

Что представляет собой сила государства в международных отношениях и можно ли ее в принципе измерить (современный контекст вопроса)

В.Н. Рябцев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация: Работа посвящена одному из ключевых вопросов теории международных отношений и геополитической науки – определению силы государства. Государство при этом рассматривается, как главный (структурообразующий) элемент мирового геополитического пространства. Отталкиваясь от факта реального неравенства государств в системе международных отношений и ранжируя по их весу и влиянию в мировых делах, автор анализирует два основных подхода в оценке силы государства: атрибутивный и бихевиоральный. В статье проводится различие между понятиями «потенциал страны» и «сила государства»; обосновывается необходимость использования более точного, чем общепринятое, понятия – «совокупная сила государства» (ССГ). Предметом особого внимания является вопрос о возможности измерения ССГ, в связи с чем выделяются «осязаемые» (измеримые) и «неосязаемые» (неизменяемые) факторы ССГ и рассматривается их взаимосвязь. Исходя из этих соображений, автор предлагает свою «формулу» ССГ.

Ключевые слова: мировое геополитическое пространство, государство, ранжирование государств, потенциал страны, сила государства, совокупная сила государства (ССГ), компоненты ССГ, измерение силы (как проблема), «осязаемые» (измеримые) и «неосязаемые» (неизменяемые) факторы ССГ, особенности их взаимосвязи.

Важнейшими, структурообразующими элементами, из бесчисленного множества взаимодействий которых и «соткано» мировое геополитическое пространство (МГП), как были, так и остаются государства, точнее говоря, нации-государства (*Nation-States*) и/или государствовподобные образования. Сегодня именно они являются главными звеньями мировой системы», или, как говорит М.В. Ильин, «ячейками в координатной сети мировой

политики». Но государства государствам – рознь. Как справедливо указывают М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина и А.Ю. Мельвиль, «когда говорят о государствах, обычно имеют в виду некие однопорядковые явления, как если бы все образования, обозначаемые этим понятием, принадлежали к одному и тому же классу. В каких-то отношениях, это, конечно, так: под "современным государством" мы подразумеваем члена ООН, обладающего признаваемым другими членами этого мирового клуба суверенитетом – как внутренним, так и внешним. Именно к этому критерию обращаются для введения и использования другого понятия – непризнанные государства. Однако, если только чуть взглянуть, становится очевидным, что под общим "зонтиком" современных государств располагаются весьма различные образования, сильно отличающиеся друг от друга по многим параметрам». И еще: «Самого беглого взгляда на современный мир достаточно, чтобы убедиться, что его основные структурные единицы – территориальные государства – существенно отличаются не только по своим размерам, географическому положению, мощи и месту в мировом сообществе, но также и тем, что живут по различным логикам и зачастую существенно отличаются друг от друга по своей природе. Составляющие координатную сеть мировой политики территориальные государства являются признанными, суверенными членами мирового сообщества и привычно именуются государствами. Однако лишь часть из них являются государствами в строгом смысле, или «государствами-состояниями» [1].

Поэтому при рассмотрении процессов, протекающих как в МГП в целом, так и различных его региональных подсистемах, мы сталкиваемся с неоднородностью соответствующих сред. Стало быть, занимаясь строго-научным анализом, мы обязаны учитывать принцип политической стратификации. Последнее означает, что необходимо проводить *ранжирование государств* в МГП или в каком-либо его региональном

сегменте. В данном случае мы говорим прежде всего и по преимуществу о нормальных, состоявшихся и эффективных государствах, могущих *быть реальными игроками* на той или иной «площадке», т.е. играть заметную роль в мировых делах или хотя бы просто являться значимым игроком на том или ином поле. Для определения состоятельности государств сегодня все чаще используют комплексные критерии. Наиболее предпочтительно с этой точки зрения выглядят так называемые органические государства (у каждого из них есть свое историко-культурное «ядро» и, следовательно, своя «генетика»). В любом случае, а желательно при всех этих слагаемых, у нас налицо будет *субъект* геополитического действия. Не случайно гуру американской геополитической мысли Зб. Бжезинский, говоря об акторах (то есть активно действующих лицах мировой политики), разводил их по двум категориям: «геополитические центры силы» (крупные региональные игроки и/или некогда великие, но отчасти потерявшие свою динамику державы) и «геостратегические субъекты». Последние действуют в масштабе всего мира. Это «государства, которые обладают способностью и национальной волей осуществлять власть или *оказывать влияние за пределами собственных границ* (выделено нами. – В.Р.) с тем, чтобы изменить... существующее геополитическое положение» [2].

Но в современном мире мы видим и иную картину. Слишком уж много в нем (вроде бы тоже) государств, для которых характерны серьезные сбои в функционировании государственной машины, большие дисфункции в государстве в целом и/или его недееспособность (частичная или полная). И здесь, кстати, *свой* большой *диапазон*: от слабых, недостаточно развитых и несостоятельных государств до «государств-неудачников», распадающихся и уже распавшихся политий [3-6]. На одном уровне со слабыми мы должны поместить и так называемые искусственные государства – политии, не имеющие своих историко-культурных «ядер». Эти политические

«организмы» всегда и очень уязвимы для воздействия извне. Со времен П. Бельена, который первым использовал понятие «искусственные государства», под таковыми понимают «державы-скороспелки», созданные на территориях, на которых раньше не было подобного государства, а население не обладает национальным сознанием. Искусственные государства возникли в результате насилия, либо за столами конференций, и являются многонациональными конструкциями. Ныне они есть даже в Европе (Бельгия, Босния и Герцеговина). Но если здесь их ничтожно мало, этого нельзя сказать про остальной мир, где они составляют большинство, а известная конгруэнтность между нацией и государством скорее исключение, чем правило) [7].

Это факт: большинство современных государств не являются субъектами геополитического планирования и, соответственно, участниками Мировой Игры. Понятно, что такого рода политики попадают в другую группу – в число «пешек», статистов, а то и меньших по значению фигурантов процесса, переходящих на нулевой уровень «шахматной доски», т.е. *объектов* геополитического действия со стороны других игроков. И чем слабее рассматриваемые нами государства, тем большие проблемы они создают для иных государств и для международного сообщества в целом, поскольку их проблемами приходится заниматься другим...Кстати, в эту же группу мы должны отнести ряд других государственно подобных образований – политий с претензией на государственность или с частичной государственностью. Здесь же место и так называемых квазигосударств. *Квазигосударственными* эти образования являются потому, что, обладая амбициями субъекта международного права, они таковыми, по существу, не являются, поскольку не признаются остальными членами «сообщества наций». *Квазигосударственными* они являются потому, что имеют явные признаки, а то и элементы национального суверенитета, и сообразно этому

позиционируют себя в окружающем международном пространстве. (Справедливости ради, уточним: в современных условиях квазигосударства могут быть тоже разными и существуют, как минимум, в трех видах [8-10].

Оговорим здесь один важный концептуальный момент. С нашей точки зрения, занимаясь изучением международных и (особенно) геополитических явлений и процессов, абсолютно недостаточно инструментария политической географии или даже географии в целом, которые по большому счету и в общепланетарном масштабе, и в региональном плане занимают в основном описанием *status quo* (неважно, чего это касается: экономики, политики или демографии). Едва ли можно здесь также уповать на международное право, которое, во-первых, отталкивается от реалий политической географии и в принципе не способно регулировать глубинные, подспудно идущие в мир-системе процессы, и которое, во-вторых, чем дальше, тем больше превращается в малоэффективную, а по большей части в чисто декларативную (и потому фиктивную) правовую систему. Ведь любому здравомыслящему человеку, не говоря уже о тех, кто профессионально занимается вопросами мировой политики и международных отношений, понятно, что, пока сохраняется суверенитет государств как главный их атрибут, как выражение их независимости и особенной воли, международное право не может играть роли большей, нежели простой обычай [11]. Взять хотя бы вопрос о действительном, а не о формально-юридическом составе международного сообщества.

С геополитической точки зрения анализ его нынешней морфологии предполагает учет много большего числа игроков, чем то предусматривается международным правом. Скажем, любое из 193 государств, обладающих международно-правовой субъектностью (то есть членством в ООН), считается полноценным участником международных отношений. К ним относятся даже те государства, которые существуют разве что только на

бумаге – распадающиеся (типа Йемена) или де-факто уже распавшиеся политии (типа Сомали или Ливии). Но даже не ведя речь об этих *failing* или *failed states*, мы понимаем, что государство государству – рознь. И разнятся они по силе и влиянию в мировых делах, в основе чего лежит их потенциал (экономический, военный, демографический, технологический и т.д.). Поэтому все они очень четко ранжируются и занимают положенное им «по праву» (читай: в силу реальных возможностей участвовать в международной жизни) в мировой иерархии. Помимо этого, не стоит забывать, что на этом (тоже как бы международно-правовом) поле фигурируют игроки особого рода – суверенные субъекты *sui generis*, коими являются государственноподобные образования, не обладающие всеми необходимыми признаками государства, но ведущие себя именно как полноценные государства, т.е. имеющие официальных представителей в международных организациях, могущие открывать дипломатические учреждения и т.д. Взять хотя бы Святой престол – де-факто гигантскую (с охватом 1,2 млрд чел.) транснациональную сеть католических общин по всему миру! Представить себе мировую политику *без Ватикана*, учитывая его вышколенную веками дипломатическую службу и высококласную разведку, финансовые активы католических банков, не говоря уже о «мягкой» силе католических орденов (Мальтийского, *Opus dei* и др.), просто невозможно.

Помимо этого, надо учитывать, что то пространство, где проявляет себя геополитика, не есть пространство вещественно-материальное, чисто физическое. Да, сверхдержава или какая-либо из великих держав географически могут находиться рядом с обычным («малым») государством, обладающим такой же, как они, правосубъектностью, т.е. быть соседями в прямом смысле слова. Но в мировой *геополитической* таксономии они занимают разные, зачастую противоположные места. Иначе говоря, у геополитического пространства *своя* «геометрия» [12]. Мы уже не говорим о

том, что для международно-правового взгляда попросту «за кадром» остается теневая сторона новейшей истории – то, что находится «за кулисами» мировой сцены и/или вообще являет собой тайную сторону жизни мирового сообщества.

Так что при анализе геополитической динамики мира и/или анализе ситуаций в ключевых его регионах, хочешь - не хочешь, конспирологический момент приходится учитывать, хотя и не «заикливаясь» на нем. И не столь уж важно, о чем конкретно идет речь – о «вершителях мира», восседающих «наверху» (в структурах условных «давосцев»), или о силах, представляющих «мировое подполье» (криминальные сообщества, тоталитарные секты, террористические сети или криминальные группировки), которые, между прочим, имеют «свойство» тесно взаимодействовать друг с другом, пусть и через ряд опосредствующих звеньев. Для нас важнее другое – констатация того, что влияние соответствующих сил, групп и/или организаций на мировые дела – реальная и вполне ощутимая вещь. Да, это факт: появившись некогда, глобализация повлекла за собой возрастание роли негосударственных акторов – тех игроков мировой сцены, которые американский политолог-международник Дж. Розенау в свое время назвал «актерами вне суверенитета». Именно тогда (в условиях глобализации, которая ныне, судя по всему, сменяется эрой панрегионализации) «во весь голос» заявили о себе транснациональные корпорации (ТНК) и международные финансовые группы, интеллектуальные и инвестиционные фонды, электронные СМИ и Интернет, экспертные сообщества, консалтинговые фирмы, разного рода рейтинговые агентства, НПО и т.д. И надо сказать, что в тех условиях поначалу *Nation-State* дало слабину, дало повод думать даже об утрате значимости феномена национального суверенитета вообще.

Показалось даже, что детище Вестфальского мира – *Nation-State* станет игроком «второго плана».

Но не тут-то было – национальные государства не собирались сдаваться без боя (если говорить о тех сегментах мировой системы, где они давно существуют). Как отмечает в этой связи А. Большаков: «Одним из последствий глобализации стало относительное уменьшение роли государств. Этот процесс противоречив, не абсолютен и универсален. В ряде стран европейской периферии (например – *B.P.*) государственный суверенитет выступает безусловной ценностью. Не видно уменьшения суверенитета США и большинства крупных и средних государств Азии. Вот почему на современном этапе уместнее, скорее, говорить не о снижении важности государства как такового, а об уменьшении автономности государств в целом (если под автономностью понимать способности стран принимать решения без учета интересов негосударственных акторов мировой политики)» [13]. Мы уже не говорим о том, что немалое число ныне живущих народов, этносов и/или этноконфессиональных групп, все еще не имея *своих* государств, с вожделением смотрят на данный институт, т.е. рассматривают его как самоценную вещь. Как известно, с 1991 г. существует Организация Непредставленных Наций и Народов (как своего рода «альтернатива ООН), выражающая интересы более чем 40 «малых» и больших народов, не имеющих или лишенных государственности. Она строит свою работу на концептуальных положениях «Теории Четвертого мира» с ее ключевым тезисом: «проживающие на *своих* территориях коренные Народы против порабоощающих их "*чужих*" Государств, выступающих как настоящие оккупационные режимы и машины подавления». (Заметим попутно, что адепты этой теории жестко ставят перед мировым сообществом вопрос: почему 5000 народов мира должны жить, а фактически быть «заперты» в границах всего лишь 200 государств? И кто дал

право *так* вести себя этим державам в отношении аборигенного населения (ведь подчас те выступают как настоящие репрессивные «машины») ... По мнению одного из авторов, подробно излагающего основные положения «Теории Четвертого мира» [14], парадоксально, но факт: за период с 1945 г. до начала 1990-х из 122 продолжительных войн и вооруженных конфликтов в мире 97 приходились именно на такие ситуации: *государства против народов*.

Так что, резюмируя сказанное, подчеркнем: если мы имеем дело с анализом международных и геополитических явлений и процессов, то главными действующими лицами здесь как были, так и продолжают оставаться именно государства – территориально-организованные властные комплексы. Всех же *негосударственных и/или транснациональных* игроков, фигурирующие на различных «площадках» мир-системы, следует рассматривать как фон, как «оттеняющие» *геополитический* ландшафт факторы, не более того. Однако мы отвлеклись.

Спрашивается, а на каком основании мы проводим их ранжирование, не является ли отнесение государств к тому или иному уровню МГП чисто произвольным делом? Ответим: нет, не является, поскольку у нас есть возможность измерить их величину. Пусть и не с математической точностью, но все же измерить... Как писал в свое время С. Хантингтон, «власть страны или группы обычно оценивается при помощи сравнения имеющихся у нее в наличии ресурсов с теми ресурсами, которыми обладают другие государства или группы, на которые она пытается оказать влияние» [15]. Сделать это вполне реально, если мы четко определим объективные *возможности* каждого из фигурирующих на интересующей нас «площадке» государств. И как сама мощность, так и протяженность геополитического луча, посылаемого одним государством в отношении другого (других), зависит от наличных возможностей государства. Это предполагает хотя бы общее, но

все же «представление» потенциала страны как *фиксированной* величины. Конечно, здесь всегда есть некоторые допущения, поскольку порой истинное положение дел во многих странах неизвестно. Поэтому, как говорят специалисты, «принимается, что существует некая скрытая переменная, значение которой точно отображает положение в рассматриваемых странах, однако сами эти значения неизвестны и о них приходится судить по доступной информации в рамках модели линейной регрессии различных индексов на скрытую переменную» [16]. Тем не менее, от чего-то, от каких-то экспертных оценок все же приходится отталкиваться.

Но возникает другой, не менее интересный, вопрос, который как бы нарушает обычную логику, согласно которой, если государство великое или просто большое, то у него и много больший, по сравнению с другими державами, потенциал, а стало быть, и сила в ведении международных дел. Звучит вроде бы привычно, т.к. это вполне допустимая логика, но, как резонно замечает Э.А. Поздняков, подобная система рассуждений «не может объяснить такой феномен, как "сила" сравнительно слабых в абсолютно силовом выражении государств и слабость мощных держав. В межгосударственных отношениях при определенных системно-структурных обстоятельствах самая могущественная держава может оказаться бессильной даже при том, что ее абсолютные "силовые" показатели могут не только не уменьшаться, но и возрастать. Лучший тому пример... – провал вьетнамской авантюры самой могущественной империалистической державы – Соединенных Штатов Америки» [17]. Ну, это если говорить о прошлом, но и ныне такого рода ситуации – не единичны. Взять хотя бы жесткое «пикирование» с теми же США таких государств, как Иран, КНДР или Венесуэла. Это то, что мы называем асимметричными конфликтами в мировой системе, в которых вроде бы заведомо более слабые игроки всерьез

и последовательно «выясняют отношения» с игроками много круче их (в данном случае – с сверхдержавой) [18].

Налицо ситуация, когда обладание определённого рода ресурсом или ресурсами, весьма значимыми для их контрагента, придает «малым» или среднего размера государствам известную смелость и определенную силу, а стало быть, и желание противостоять заведомо более сильной державе. Понятно, что в случае тех конфликтных ситуаций, что складываются ныне между США и Ираном, США и КНДР, это обладание ядерным оружием или стремление его создать. И надо заметить, что по такому пути сегодня желают идти не только эти государства, но и целый ряд других (те же Турция и Саудовская Аравия, например). И понятно почему: наличие ядерного компонента в военном потенциале страны в значительной степени определяет ранг (статус) государства в иерархии международного престижа. (Заметим в этой связи, что статус Израиля как тайного ядерного государства позволяет ему точно так же – то есть смело, порой даже нагло – разговаривать с теми же США, не говоря уже о других державах).

Сказанным выше мы хотим подчеркнуть, что понятия «потенциал страны» и «сила государства» – это не одно и то же. Мало иметь потенциал, надо иметь еще что-то, чтобы быть сильным в мировых делах. Вот это и есть главный предмет нашего научного интереса – феномен силы государства – вопрос, и ныне, как и в стародавние времена, не дающий покоя теоретикам в области мировой политики и международных отношений, а также практикам в области внешней политики и политики в сфере безопасности. Ведь это же факт: не критерии индивидуальной человеческой морали и ее императивы, а именно силовые отношения между государствами были и остаются определяющими в мировых делах. Много сделавший для становления в посткоммунистической России таких областей знания, как политология международных отношений и геополитология, Э.А. Поздняков писал в этой

связи: «При всей распространенности и частоте применения данного понятия не существует, однако, общепризнанного определения силы государства, не говоря уже о цельной ее теории. Более того, далеко не столь ясно и его содержание... разные исследователи и разные политологические школы вкладывают в него свой собственный смысл».

При всем том, продолжает Э.А. Поздняков, «почти ни одна теоретическая концепция внешней политики или международных отношений не обходится без попытки определения силы вообще и силы государства в частности, как способа описания отношений или объяснения поведения государств и его результатов». И еще одна важная мысль нашего мэтра: известная неопределенность в понимании феномена силы государств выражается в двух основных подходах к ее анализу: «Один из них – подход *атрибутивный*, рассматривающий силу государства как нечто неотъемлемо присущее ему, как его атрибут, как свойственное ему физическое свойство, которое можно измерить. Другой подход рассматривает силу под *бихевиоральным* (поведенческим) углом зрения, связывающим ее с поведением государства на международной арене и соотносящим ее с другими субъектами международных отношений. Это принципиальное различие в подходах лежит в основе существования различных школ и направлений, каждое из которых основывается на своей системе доказательств в понимании феномена силы государства» [19]. А надо бы, если следовать логике автора, найти возможность каким-то образом их соединить, и ниже мы попытаемся как раз это сделать.

Но не будем пока торопить события и начнем с того, что уточним два ключевых понятия: «*потенциал страны*» и «*сила государства*»; заодно с этим оговорим те режимы исследовательской работы, которые допустимы при анализе тех факторов, которых под них подпадают.

Используя первое понятие, мы имеем в виду синтетическую характеристику государства, которая, по сути, образует *материальный субстрат* его силы на мировой или региональной арене. И это, повторяем, не синоним державной силы. Стало быть, последняя не есть некий атрибут международных отношений, выступающий как фиксируемая и исчисляемая, а тем самым и абсолютная величина. По мысли Э.А. Позднякова: «Помимо материального, понятие силы в сфере политического взаимодействия включает и многие моменты, которые можно условно объединить термином "морально-психологический фактор". Понятие силы, таким образом, объединяет в себе как моменты исчисляемые (материальные), так и неисчисляемые (морально-психологические)». Он справедливо полагает, что ошибка многих исследователей состоит в стремлении определить силу государства с математической точностью. «В конечном счете подобные попытки неизбежно сводятся лишь к вычислению не силы вообще, а только ее материального субстрата в соответствующих показателях мощи государства, будь то число батальонов, пушечных стволов, боевых кораблей, самолетов или ядерных боеголовок» [19]. И это, вообще-то говоря, серьезная научная проблема, на решение которой у нас есть свой взгляд.

Да, всем известна максима, согласно которой «наука есть знание об "измеримом"», что по идее и выводит любую дисциплину на уровень настоящей науки. Но можно ли измерять все, т.е. заниматься квантификацией в полном объеме этой процедуры, применительно к изучению международных и/или геополитических явлений и процессов? Полагаем, что формализацией заниматься все же можно, но вот квантификацией? Явления и процессы, изучаемые в теории международных отношений и геополитике, весьма специфичны – сложны и комплексны, что и заставляют специалистов разрабатывать и использовать все более усовершенствованные научные методы и методики. И это правильно. Но при всем том, стремясь дать анализ

объективный анализ тех факторов, явлений и процессов, которые они изучают, исследователи сталкиваются с реальными трудностями в плане представления их в числовой форме. Некоторые из них *по определению* не поддаются «оцифровке». Как отмечают В.А. Колосов и Н.С. Мироненко: «выяснилось, что в отсутствие убедительной теории самые изощренные расчеты не позволяют объяснить сложные политические процессы» [20]. Скажем: как можно отразить математически проблематику, охватываемую тем, что определяется в качестве *второго ракурса геополитики* (особенно в рамках того блока проблем, которые В.Л. Цымбурский, в отличие от геостратегии, называл геополитической имагинацией)? Ведь здесь рассматриваются такие тончайшие материи, как трансформации «образов мира/страны», «ценностей» и «ресурсов» в «интересы» и «возможности государства», а из сочетания последних рождаются конкретные политические «цели»; анализируются то, как по запросу со стороны блока уже намеченных «целей» из блока «возможности государства» и еще более раннего блока – «поведенческих схем» – создаются «сценарии действий» на конкретных площадках мирового геопространства [21]. И в самом деле: как? По сути, никак...

Из сказанного мы делаем вывод: в области теории международных отношений и в рамках такой ее субдисциплины, как геополитическая наука, если что и можно делать, да и то с осторожностью, так это работать в режиме формализации. Возможности же квантификации здесь предельно ограничены. Точнее говоря, *так работать можно с потенциалом страны*, [22], который является материальным субстратом силы государства, ее основой или фундаментом, но не силой, как таковой. «Сила» – вообще более сложное понятие, чем потенциал. И толковать ее, кстати говоря, можно как в узком, так и в широком смысле. С нашей точки зрения, лучше и точнее было бы говорить о *совокупной силе государства* (ССГ).

В силу доктринальных предпочтений (а это политический неореализм в духе К. Уолтца [23-25]) данное понятие для нас – ключевое. Ибо, как писал в свое время классик британской геополитической мысли Х. Маккиндер: «Очевидно, что миром до сих пор (и наше время – не исключение. – *Авт.*) правит сила, при всех юридических рассуждениях о равноправии суверенных государств, больших и малых» [26, 27], и она, добавим мы от себя, далеко не равномерно *распределена* в мировом пространстве. Ему вторил позднее такой американский авторитет в области геополитики, как Н. Спикмен, писавший: «если внешняя политика государства желает быть реалистической, она должна формироваться не в понятиях некоего воображаемого мира, а в понятиях реальностей международных отношений, то есть в понятиях силовой политики, и рассчитывать государство должно прежде всего на собственную силу» [28]. Поэтому в мировых делах *именно силовые отношения* между государствами или производными от них образованиями *являются определяющими*. Как сказал бы «отец» доктрины политического реализма Г. Моргентау, это – «железный закон политики»!

Внесем здесь, тем не менее, одно важное уточнение. И связано оно с тем, как мы, говоря о силе государства, толкуем термин «совокупная». Для нас ССГ являет собой триединство собственно силы, его влияния и престижа. Дефиниции этих понятий такова: 1) сила государства (сила как таковая) – это его способность защищать и утверждать свои национальные интересы, а также реализовывать намеченные цели на мировой/региональной арене; способность влиять на внешние условия своего существования «в мире себе подобных», в том числе, менять их, или, напротив, сопротивляться происходящим там переменам, делая это с помощью определенного набора материальных средств, в том числе и прямого физического воздействия; 2) влияние – способность государства оказывать заметное воздействие на других акторов системы международных отношений и международную

обстановку в целом с помощью нефизических (духовных) средств, убеждать других, не применяя физическую силу (набор средств здесь весьма широк: культурное, языковое, религиозное, идеологическое, моральное и пропагандистское воздействие); 3) престиж государств – это его авторитет в глазах других акторов системы международных отношений и внутритерриториальных субъектов, уровень которого обусловлен его политическим влиянием. Заметим в этой связи, что фиксация нами *средств и способов реализации* силы государства – достаточных (а порой и избыточных) в первом случае и эффективных и разнообразных во втором – позволяет четко отделять наиболее заметных, влиятельных или главных игроков на той или иной геополитической «площадке» от малозаметных или вовсе невлиятельных («малых», слабых) держав, могущих играть роль статистов. Занимаясь в свое время изучением данного вопроса, известный французский историк и политолог Ж.-Б. Дюрозель в ряду «средств мощи» и способов реализации силы государства выделял следующие: а) принуждение, б) «торг», в) использование методов противника, г) угрозу, не подразумевающую эвентуального применения силы, д) угрозу, предполагающую использование таковой, е) прямое использование государством силы. На основании этого Ж.-Б. Дюрозель разводил понятия «великие державы» и «малые (слабые) государства». Последние, по его мнению, не способны использовать такие средства, как принуждение и эффективный «торг», в то время как великие державы на то и великие, что могут спокойно, без всякого риска и с пользой для себя использовать принуждение в любых его формах и применять силу, когда сочтут это необходимым [28].

Однако, в любом случае ясно: будучи *сложным социо-техно-природным комплексом*, потенциал определяет реальные возможности того или иного государства в сфере политики в данный момент времени. Это те ресурсы,

которые необходимы для утверждения государства в мировых делах, для получения им тех или иных экономических и политических выгод и для расширения своего влияния. Как правило, конкретное государство не может похвастаться пропорциональным развитием *всех* образующих потенциал компонентов, поэтому оно опирается на какие-то ключевые, наиболее развитые его части или даже одну его часть. Это выражается в том, что государство имеет в своем распоряжении такие ресурсы или один, какой-то конкретный, ресурс, наличие которого заставляет других игроков мировой или региональной политики всерьез считаться с ним. Так, например, внеблоковый 5-миллионный Туркменистан, находящийся далеко не в идеальных физико-географических условиях (основной ландшафт – пустыня и полупустыня, правда, есть выход к морю), тем не менее обладает и неоспоримыми преимуществами по сравнению с рядом других игроков Центральной Азии и Прикаспия, ввиду обладания беспрецедентно богатыми запасами природного газа. (В данном случае стоит напомнить, что именно с территории Туркмении тянутся нитки газопроводов в Поднебесную (туда идет сегодня до 90 % всего туркменского газа) и именно здесь находится 2-е в мире по значимости месторождение «голубого топлива» – «Галкыныш». После России, Ирана и Катара эта центрально-азиатская страна занимает 4-е место в мире по объемам извлекаемых запасов. Но при этом специалисты проводят различие между двумя его сегментами: внутренним (используемым в целях внутренней политики) и внешним (используемым в международных делах государства). Граница между ними бывает достаточно эластичной, но она всегда есть.

Далее. Приступая к ранжированию государств в той или иной зоне мира, можно идти разными путями. Какими именно?

Можно, скажем, следовать хорошо известному специалистам-международникам *традиционному* подходу в определении силы государства,

который был и сегодня все еще широко представлен в американской и вообще западной литературе (см., например, работы К. Кнорра, 1956; А. Органски, 1958; Г. Клиффорда, 1960; Д. Стингера, 1963; В. Фуке, 1965; Р. Кляйна, 1975, 1980 и др.) [29-32] и который в свое время был четко выражен классиком теории международных отношений Г. Моргентау. В числе наиболее важных компонентов, формирующих силу любого государства, он называл следующие факторы: его географическое положение, природные ресурсы, промышленный, военный и демографический потенциал, национальный характер, национальную мораль, качество государственного управления и дипломатию [32]. При всей спорности «списка Моргентау», основным недостатком которого является соединение самых разных элементов, на что обращали внимание многие исследователи (ведь параметры силы государства должны быть гомогенными и находиться на одном уровне обобщения; простым увеличением числа параметров проблемы здесь не решить), подход Г. Моргентау на долгие годы стал популярным в литературе. Отголоском его стал, кстати, тоже отчасти устаревший, но когда-то произведший фурор в ученых кругах японский подход.

Мы имеем в виду разработанную специалистами «Страны Восходящего Солнца» методику расчета «национальной силы» для ведущих государств мира на 1985 г.: расчет по всему комплексу факторов производился от уровня США, принятого за 100 баллов [33]. Устареть-то эта методика – устарела, но не так давно легла в основу сценарного моделирования будущего мировой системы, рассчитанного на период до 2025 г., чем по заказу Национального разведывательного совета США занималась группа ведущих западных экспертов [34]. Более интересны «версии» расчета силы государства, которые предполагают синтез такого рода показателей. Такова, к примеру, логика специалистов, предложивших в свое время расчет силы государства по

Международной компьютерной модели будущего, которая выводилась в виде положения в рейтинге из среднего коэффициента ВВП, расходов на оборону, населения и технологий [34].

В этом же ряду стоит отметить и интересный подход китайских специалистов, которые стали уделять серьезное внимание этим вопросам на рубеже 1980–1990-х гг. [35, 36] и имеют даже (условно говоря), официальное толкование понятия «национальная мощь». В одном любопытном документе, в котором недвусмысленно было заявлено, что уже к 2020 г. Поднебесная станет *главным центром силы* в мировых делах, можем прочесть следующее: «Совокупная мощь Китая – это и огромные людские ресурсы, и крепкая регулируемая экономика, и независимая финансовая система, и достаточная военная сила, и передовая наука и техника, и изощренная разведка с тонкой дипломатией, и зарубежная диаспора, и концептуальная самостоятельность, и культурный иммунитет, и здоровый образ жизни. При этом концептуальная самостоятельность и культурный иммунитет есть залог китайской победы. Основным видом обеспечения роста совокупной мощи в Китае избраны стратегическая маскировка и стратегическая дезинформация» [37]. Интересный документ! Но и это еще не все. В нем ничего не сказано (точнее, об этом просто умалчивается) еще об одном важнейшем ресурсе, который есть ныне в руках руководства Поднебесной, а именно: о системе тотального шпионажа, который китайцам удалось установить чуть ли не по всему миру. И надо сказать, что спецслужбы Китая действуют жестко, очень четко и весьма эффективно, в том числе на территории своего главного противника – США, в тайную борьбу с которым, и не только с ним, привнесли восточную хитрость, мудрость змеи и стратегию «массового натиска» [38,39]. (Но это так – попутное замечание).

К определению понятия потенциала страны (или, как иногда говорят специалисты, национальной мощи) и выявлению его основных компонентов,

однако, можно идти и другим путем, беря на вооружение инновационный подход. В этом случае, беря за точку отсчета *комплексные качественные* показатели развития потенциала (в них происходит «наложение» обычных, или структурных компонентов плюс добавляются новые – именно комплексные и, в большей мере, функциональные показатели), выводить анализ на уровень общемировой геополитической таксономии. Путь этот более сложный и пока имеет мало прецедентов практического применения. Но он чрезвычайно эффективен, поскольку предполагает сравнительный анализ государств и их шкалирование на основе комплексных (интегративных) показателей. В отличие от традиционного подхода к выявлению силы государств, делающего упор на структурных факторах, данный путь исследования позволяет выйти на более важные вещи, т.е. на более содержательные вещи, когда во главу угла ставится структурно-функциональный подход (с упором на *функциональную* сторону дела).

Интересный опыт ранжирования государств современного мира (с выборкой по 192 странам, по данным на 2007 г.) был реализован в одном оригинальном проекте МГИМО (У) МИД РФ [40]. По логике разработчиков данного проекта необходимо учитывать, как минимум, пять базовых, но уже *комплексных*, факторов (в специальной литературе они получили название индексов), а именно: индекс государственности, индекс внешних и внутренних угроз, индекс потенциала международного влияния государства, индекс качества жизни и индекс институциональных основ демократии. Каждый из них, в свою очередь, предполагает дробный анализ, плюс к тому фиксацию «веса» каждого фактора, входящего в тот или иной индекс.

Мы полагаем, что этот – инновационный – подход более продуктивен, хотя и более трудоемок, требует умелой спецификации применительно к конкретным региональным «площадкам». Для простоты работы следует, во-первых, сводить все интересующие нас государства в *общерегиональную*

рамку, т.е. давать сравнительный анализ по региону в целом, а во-вторых, при работе с каждым конкретным индикатором отталкиваться от двух – самого лучшего и самого худшего в мире – показателей (беря для этого соответствующие страны). Для этого «вес» мирового лидера по той или иной группе показателей оценивается в 10 баллов, а «вес» мирового аутсайдера – в 0 баллов. Кроме того, в таблицах стоило бы выводить среднемировой уровень (он оценивается в 5 баллов). В любом случае ясно одно: исследователь должен иметь представление о том, как и насколько у конкретного государства развиты *основные компоненты потенциала* или, по крайней мере, брать в качестве предмета для сравнения более мелкую «переменную» в том или ином компоненте (например, в экономическом потенциале – объем инвестиционной активности государства и/или его компаний за рубежом или его золотовалютные запасы).

В связи со сказанным заметим, что при работе с концептом «совокупная сила государства» (ССГ) и расчете ССГ мы учитываем как достижения «традиционалистов», так и вклад «инноваторов». Что это значит на деле? Думаем, здесь надо говорить о четырех моментах.

Во-первых, при расчете ССГ мы отталкиваемся от хорошо известной «формулы» Р. Кляйна, согласно которой сила, или (в его терминологии) мощь государства есть результат сложения пяти факторов – таких, как «настер» (население и территория) + экономический потенциал страны + ее военный потенциал, умноженные (\times) на стратегическую цель, которую преследует государство, + волю элиты осуществлять национальную стратегию [41]. (Некогда мы, опираясь на подход Р. Кляйна, предложили *свою* «формулу» ССГ [42], но к настоящему времени существенно дополнили ее, о чем скажем ниже. При этом в ходе работы мы опирались также и на ряд других, также восходящих к Р. Кляйну, «формул» ССГ, данных зарубежными специалистами [43, 44].

Во-вторых, мы не сваливаем все параметры в кучу и группируем все выделяемые параметры, или факторы в два крупных блока: а) *«потенциал страны»*, коим для нас является материальный (в основном «осязаемый», т.е. физически фиксируемый) субстрат силы государства, причем мы выделяем прежде всего те компоненты его потенциала, которые непосредственно обращены к сфере внешнеполитической деятельности государства и б) *нематериальные и потому «неосязаемые»* (интеллектуальные, морально-волевые и идеологические) *факторы*. Речь идет о качестве политической элиты государства и искусстве проводимой ею политики (искусстве дипломатии и разведки в том числе). Если первый блок характеризует *горизонт наличных возможностей* государства, то второй – его *реальную способность* адекватно реагировать на вызовы и угрозы своей безопасности и эффективно проводить выработанный курс.

Если обратиться к работам тех же китайских экспертов при расчете национальной мощи государств, то они тоже, по-своему, учитывают две группы факторов, а именно: несколько десятков «твердых» статистических данных и ряд «мягких» экспертных оценок. Среди «твердых» показателей отбираются те данные, которые могут достаточно репрезентативно отразить достигнутый уровень и потенциал страны в экономике, трудовых и природных ресурсах, в инвестиционной деятельности, научно-техническом развитии, военной сфере и т.д. (при этом большое значение имеет адекватная оценка значимости того или иного конкретного показателя). Что касается показателей «мягкой силы», то в этом качестве обычно фигурируют экспертные оценки политической системы, качества дипломатии и уровня управления в государстве. Все чаще в число оцениваемых «мягких» факторов попадают культура той или иной державы и наиболее типичный образ страны в массовом восприятии за рубежом. Как полагает, например, такой исследователь, как Янь Сюэтуан, «твердые» и «мягкие» компоненты

национальной мощи государства должны не суммироваться, а перемножаться, в этом случае становится очевидной высокая зависимость итогового показателя от слабейшего фактора [см.: 45]. На этой основе и выстраиваются самые разные индексы показателей ССГ, или, как еще говорят, национальной мощи государств (индекс конкурентоспособности, индекс процветания *Legatum*, индекс миролюбия, индекс Бертельсмана для переходных экономик и т.д.). Несть им числа... И это, как справедливо замечает В.Я. Портяков, «несколько снизило в последние годы интерес экспертного сообщества к расчетам и сравнительному анализу показателей комплексной мощи ведущих мировых держав». Мы, безусловно, учитываем подобного рода разработки коллег, но следуем все же своим курсом.

Хотим в этой связи подчеркнуть: *выделение двух блоков факторов ССГ* (условно говоря, «осязаемых» и «неосязаемых») и необходимость их сопряжения – *принципиальный момент*. Ведь в специально-научной литературе все еще немало исследователей, которые высказывают скепсис относительно того, что возможно объединять «осязаемые» и «неосязаемые» факторы в одно целое, именуемое силой или мощью государства [46]; немало и тех исследователей, кто, основываясь на этом, высказывает не только скептическое, но и даже отрицательное отношение к самому понятию «силы (или мощь) государства» и возможности объяснения с его помощью специфики международных отношений. А раз так, то нет и возможности определить, что представляет собой «силовой статус» государства и выяснить то, каким именно образом распределяется сила между различными державами. С нашей же точки зрения, это – объединение «осязаемых» и «неосязаемых» факторов в единое целое – не только можно, но и необходимо делать. И, между прочим, осуществляя эту «процедуру», выражаясь философским языком, можно было бы «снять» традиционную антиномию между атрибутивным и «бихевиоральным» (поведенческим) подходами,

которые с давних времен лежат в основе существования различных школ и направлений в теории международных отношений и геополитической науке.

В-третьих, каждый из двух блоков в нашей «формуле» ССГ разделен на две части – по схеме «4+3». Так, в первом из них мы выделяем население страны, ее территорию и географическое положение в мировом пространстве, а также экономический, военный, интеллектуально-технологический потенциал и потенциал ресурсы инфомосферы. Во втором блоке картина более интересная, но она и сложнее... Здесь идут национальная идея (зачастую с религиозным ядром), определяемая базовой системой ценностей, разделяемой большинством населения и восходящей к его культурному архетипу; геополитический код, или кодекс поведения государства как устойчивые, сохраняющиеся в течение длительного периода времени представления о мире и об отношениях с другими государствами (по сути, это образ мира, рисуемый элитой государства, и способ взаимодействия его с внешним миром), и геостратегия государства – набор конкретных предложений о том, где и как проводить государству свою внешнюю политику: монолинейную – для «малых» и отчасти средних держав, с минимальным числом соседей; многовекторную – для крупных государств с большим количеством таковых; таким образом, код поведения государства – это, по сути, географическая основа его геостратегии [46]).

Эту «триаду» факторов дополняет «квартет» других, а именно: а) способность элиты к целеполаганию, т.е. умение четко формулировать национальные цели (долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные) и ставить вытекающие из них конкретные задачи; б) консолидированность элиты (ее способность выступать как единая цельная сила), в) ее воля и стремление осуществлять выработанную геостратегию (читай: умение элиты мобилизовать население своей страны и расположить общественное мнение, взвешенный и ответственный подход к внешней политике государства; г)

профессионализм элиты – наличие у ее представителей соответствующих знаний, умений и навыков в сфере выработки и проведении внешней политики, в том числе, в кризисных и конфликтных ситуациях, плюс умение сочетать внешнеполитические традиции государства с инновационными подходами в ситуации растущей турбулентности международной среды.

Оговорим здесь еще два важных момента. Учитывая тот факт, что во многих государствах ключевую роль в международных делах играет политический лидер страны (глава государства), непосредственно «курирующий» внешнюю политику и что вообще межгосударственные взаимодействия, в особенности в сферах «большой политики» и «высокой стратегии», суть взаимодействия на личностном уровне, в ряде случаев фактором силы государства становится адекватная (ситуации) и точная (в плане учета постоянно меняющейся обстановки) «ментальная карта» первого лица. Не менее значимым элементом в перечне «активов» государственных лидеров и их команд становится то, что со времен Л.Н. Гумилева принято называть пассионарностью. Наблюдая беспрецедентную активность и результативность политики Р.Т. Эрдогана, проводимой во славу неосманизма, или фиксируя чрезвычайно высокий «градус пассионарности» лидеров «Талибана в постамериканском Афганистане, невольно соглашаешься с выводом, который делает известный российский востоковед Ш. Султанов: «среди компонентов государственного могущества пассионарность в XXI веке становится одним из самых решающих» [47]. Если же к этому качеству лидеров добавляется еще и такая вещь, как харизматичность, то становится понятным, почему государства могут играть разную роль в мировых делах (то есть быть по-разному убедительны и влиятельны) даже при равенстве их потенциалов, а в ряде случаев, даже при различии потенциалов, причем не в пользу тех держав, во главе которых стоят «харизматики».

В-четвертых, *в ходе конкретного анализа* каждый из параметров ССГ в обоих блоках мы рассматриваем максимально дифференцированно, с упором на качественную сторону дела. Вот как это выглядит, скажем, применительно к экономическому потенциалу: а) место и роль страны в международной системе разделения труда; б) сегменты мирового рынка, контролируемые ведущими компаниями и банками данной страны; в) структура ее экономики и наличие в ней «критически важных» отраслей; г) сбалансированность торговых обменов и недопущение торгового дефицита; д) размер золотовалютных резервов (запасов), находящихся в распоряжении государства; е) состояние национальной валютной системы и ее отношение к мировым финансовым потокам; ж) наличие инвестиций в «свою» экономику и за рубежом; з) размеры и формы оказания экономической помощи другим странам и «донорства» по линии международных и региональных организаций; и) доля госбюджета и объем частных отчислений, выделяемых на нужды науки (НИОКР) и развитие высоких технологий; и т.д.

Что же касается таких факторов ССГ, как население и территория, то их следует рассматривать как в количественном, так и качественном измерении. Для нас это конкретно означает, что: а) при анализе фактора «население», надо непременно фиксировать уровень жизни основной массы жителей страны и общий коэффициент его жизнеспособности (он считается по 5-балльной шкале, принятой ЮНЕСКО-ВОЗ) и б) при рассмотрении такого фактора, как «территория», надо фиксировать не просто общую территорию, а плотно освоенную в хозяйственно-экономическом и социально-культурном отношении часть страны с соответствующей ресурсной базой (это особенно важно при «работе» с крупными государствами, у которых могут быть свои «антропопустоши»). Говоря же о местоположении государства, следует выделять такие критерии, как выгодное/невыгодное, сухопутное/морское

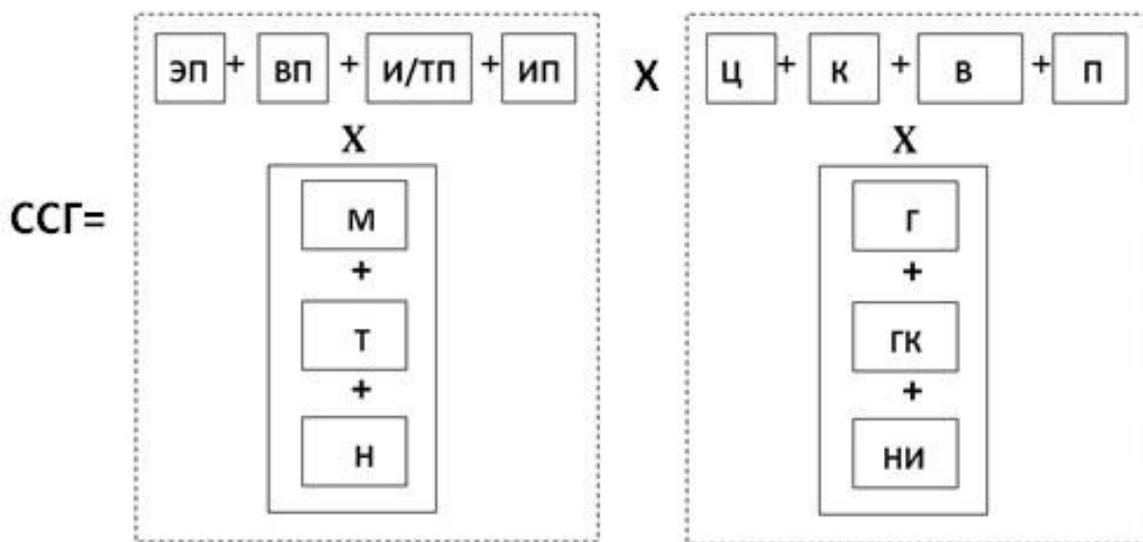
(или океаническое) местоположение, компактное или дисперсное (архепелажное) и т.д.

Опираясь на все вышесказанное, мы и предлагаем *свою* «формулу» совокупной силы государства ССГ (см. ниже).

«ФОРМУЛА» СОВОКУПНОЙ СИЛЫ ГОСУДАРСТВА (по В.Н. Рябцеву)

Факторы, определяющие
горизонт наличных возможностей
государства, или материальный
субстрат его силы

Факторы, определяющие
способность государства
проводить самостоятельную
политику на мировой арене

где

Н – население страны

Т – ее территория

М – географическое положение страны в мировом пространстве

ЭП – экономический потенциал страны

ВП – ее военный потенциал

И/ТП - интеллектуально-технологический потенциал страны

ИП – потенциал ее информосферы

и

НИ – национальная идея

ГК – геополитический код (или кодекс поведения) государства

Г – геостратегия

Ц – способность элиты к целеполаганию и соответствующему проектированию

К – консолидированность политической элиты

В – воля элиты и ее стремление к осуществлению выработанной стратегии

П – профессионализм элиты (знания + умения вести дела на мировой арене, особенно в кризисных /конфликтных ситуациях)

Исследование выполнено при финансовой поддержке ЮФУ в рамках научного проекта № ВнГр-07/2020-05-ФП

Литература

1. Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств внешние и внутренние факторы консолидации // ПОЛИС. 2010. № 3. С. 31–32.
2. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1998. С. 54.
3. Rotberg R.I. Failed States, Collapced States. Weak States: Causes and Indicators // State failure and State Weakness in a Time of Terror / ed. by R.I. Rotberg. – Wash. (DC): Brookings Institute Press, 2003. 456 p.
4. Малек М. Распад государств как явление международных отношений. URL: acnis.am/book2006/malek.htm.
5. Rotberg R.I. The Challenge of Weak, Failing and Collapced States // Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World / ed. by Crocker Ch. A., Hampson F.O., Aall P.R. – Wash. (DC): USIP Press, 2007.
6. Ильин М.В. Структурные параметры неблагополучия государств // Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной

- государственности / под ред. Ильина М.В. и Кудряшовой И.В. М.: МГИМО-Университет, 2011. 248 с.
7. Маклаков А. Нация и государство: конец Вестфальского мира. 27 августа 2008 г. URL: dialogs.org.ua/print.php?part=projectua&m_id=13392
 8. Дадаян Д.С. О критериях легализации новых государств // Международное право и реалии современного мира. Приднестровская Молдавская Республика как состоявшееся государство. Тирасполь, 2006. С. 100.
 9. Кокорев Р.С. Понятие и характерные черты государства как субъекта международного права // Государство и право. 2005. № 12. С. 77–78.
 10. Никитина Ю.А. Урегулирование «замороженных» региональных кризисов. URL: ifpc.ru/index.php?cet=216.
 11. Поздняков Э.А. Философия государства и права. М., 1995. С. 243–244, 246, 247.
 12. Баталов Э.Я. Топология политических отношений // ПОЛИС. 1995. № 2. С. 90.
 13. Большаков А. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья. URL: intertrends.ru/fifteen/008.htm.
 14. Nietschmann B. The Fourth World versus Nations versus States // Reordering the World. Geopolitical Perspectives on the Twenty-first Century / ed. by G.J. Demco and W.B. Wood. – Boulder (Colo): Westview Press, 1994. 350 p.
 15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / пер. с англ. М.: АСТ, 2003. С. 119.
 16. Дегтярев Д. Компьютерное моделирование международных отношений // Международные процессы. Т. 9. № 3 (сент. – дек. 2011 г.) URL: intertrends.ru/twenty-seventh/07.htm.
-

17. Поздняков Э.А. Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. М.: Наука, 1986. С. 136–137.
 18. Рябцев В.Н. Острые межгосударственные конфликты асимметричного типа на двусторонней основе: их природа и последствия для региональной и международной безопасности (на примере Ближнего и Среднего Востока). Ч. 1 // А-фактор (научные исследования и разработки). 2018. № 4. URL: a-factor.ru/archive/item/91-ostrye-mezhgosudarstvennye-konflikty-asimmetrichnogo-tipa-na-dvustoronnej-osnove-ikh-priroda-i-posledstviya-dlya-regionalnoj-i-mezhdunarodnoj-bezopasnosti-na-primere-blizhnego-i-srednego-vostoka-chast-vtoraya
 19. Поздняков Э.А. Концепция баланса сил в международных отношениях // Баланс сил в мировой политике: Теория и практика: сб. статей / под ред. Э.А. Позднякова. М.: ИМЭО РАН, 1993. С.10–11, 135-136.
 20. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 253.
 21. Цымбурский В.Л. Введение. Speak, Memory! // В.Л. Цымбурский. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Изд-во «Европа», 2011. С. 24.
 22. Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. Классификация стран мира с использованием методов многомерного статистического анализа / Политическая наука. ИНИОН РАН. 2007. № 3. С.168-192.
 23. Waltz K.N. Man, the State and War. – N.Y.: Columbia University Press, 1954. 289 p.
 24. Waltz K.N. Theory of International Politics. – Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1979. P. 251.
 25. Waltz K.N. International Politics is not Foreign Policy // Security Studies. 1996. № 2. Pp.54-57.
-

- 26.Маккиндер Х. 1919. Демократические идеалы и реальность // Географическая ось истории / пер. с англ. М.: Изд-во АСТ, 2021. С. 265.
 - 27.Spykman N.J. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1942. P. 446.
 - 28.Duroselle J.-B. Tout Empire périra. Une Vision théoretique des relations internationales. P.: Publications de la Sorbonne, 1981. P. 336.
 - 29.Knorr K. The war potential of nations. Princeton (N.Y.), 1956. 322 p.
 - 30.Organski A.F.K. World Politics. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1958. 509 p.
 - 31.Cline R.S. World Power Assessment: A Calculus of Strategic drift. Boulder (Colo): Westview Press, 1975. 173 p.
 - 32.Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 5th ed. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1978. pp. 117–155.
 - 33.Зайцев В.К. Научно-технический прогресс и долгосрочные тенденции экономического развития // Японская экономика в преддверии XXI века. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1991. С. 85–124.
 - 34.Мир после кризиса. Глобальные тенденции –2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США / пер. с англ. М.: Европа, 2009. С.1-10.
 - 35.Портяков В.Я. «Он уважать себя заставил...». Китай и Россия в экономическом измерении // Pro et Contra. М. 1998. Том 3. № 1. С. 26–40.
 - 36.Портяков В.Я. К вопросу о комплексной мощи Китая: подходы и оценки, структура, динамика, перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. № 19. URL:cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kompleksnoy-moschi-kitaya-podhody-k-otsenke-struktura-dinamika-perspektivy/viewer.
 - 37.Китайский проект без легенд прикрытия // Завтра. 2005. № 12 (март).
 - 38.Глазунов О. Китайская угроза. М.: Эксмо; Алгоритм, 2010. С. 110.
-

39. Совокупная мощь государства: китайский подход (материал разместила Ю. Фостийчук). 20 ноября 2013 г. URL: csef.ru/index.php/ru/politica-i-geo-politica/project/416-china-and-its-role-in-a-new-world-or-der/1-stati/4893-sovokupnaya-moshch-gosu-darstva-kitajskij-podkhod
40. Мельвиль А.Ю. Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: Изд-во МГИМО-Университета, 2007. (Гл. 2). С.67-202.
41. Cline R. World Power Trends and US Foreign Policy for the 1980's. Boulder (Colo): Westview Press, 1980. P. 173.
42. Рябцев В.Н. Территория государства: методическая разработка по курсу «Геополитика». Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2000. С. 43–44.
43. Портяков В.Я. К вопросу о комплексной мощи Китая: подходы и оценки, структура, динамика, перспективы. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIX. М.: ИДВ РАН, 2014, с. 6-21.
44. Балахонцев Н., Кондратьев А. Зарубежные методы оценки потенциала стран (2010 г.) // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 11. С. 101–104.
45. Rosenau J.N. The Scientific Study of Foreign Policy. N.Y.: Free Press, 1971. P. 244.
46. Flint C. Introduction to Geopolitics. N.Y.: Routledge, 2011. P. 43.
47. Султанов Ш. Время талибов. Следующий раунд Большой Игры // Завтра. 2021. № 38 (сент.–окт.). С. 5.
-

References.

1. Iljin M.V., Meleshkina E.Y., Melvill A.Y. POLIS. 2010. №3. pp. 31–32.
2. Bzhezinsky Zb. Velikaya shakhmatnaja doska. Gospodstvo Ameriki i yego geostrategicheskije imperativy. [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. M.: Mezhdunarodnyje otnosheniya, 1998. pp. 51.
3. Rotberg R.I. Failed States, Collaped States. Weak States: Causes and Indicators. State failure and State Weakness in a Time of Terror. ed. by R.I. Rotberg. Wash. (DC): Brookings Institute Press, 2003. 456 p.
4. Malek M. Raspad gosudarstv kak javlenije mezhdunarodnykh otnosheniy. [The Breakup of States as a Phenomenon of International Relations]. URL: acnis.am/book2006/malek.htm
5. Rotberg R.I. The Challenge of Weak, Failing and Collaped States. Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World. Wash. (DC): USIP Press, 2007.
6. Iliyn M.V. Zony Problemnoy Gosudarstvennosti. Pod red. Il'ina M.V. i Kudryashovoj I.V. M.: MGIMO-Universitet, 2011. 248 p.
7. Maklakov A. Natsija i gosudarstvo: konets Vestfalskogo mira. 27 avgusta 2008. [Nation and State: The End of the Peace of Westphalia. 27 August 2008]. URL: dialogs.org.ua/print.php?part=projectua&m_id=13392
8. Dadayan D.S. O Kriteriyakh Legalizatsii Novykh Gosudarstv. Mezhdunarodnoye Pravo I Realii Sovremennogo Mira. Pridnestrovskaya Moldavskaya Respublika kak Sostoyavsheesia Gosudarstvo. Tiraspol, 2006. pp. 100 i dr.
9. Kokorev R.S. Gosudarstvo i Pravo. 2005. № 12. pp. 77–78.
10. Nikitina Y.A. Uregulirovaniie «zamorozhennykh» Regionalnykh Krizisov. URL: ifpc.ru/index.php?cet=216

11. Pozdniakov E.A. *Filosofiya Gosudarstva i Prava*. [Philosophy of State and Law]. M., 1995. pp. 243–244, 246, 47.
 12. Batalov E.Y. *Topologiya Politicheskikh Otnosheniy*. POLIS. №2. p. 90.
 13. Bolshakov A. *Nepriznannyye Gosudarstva Evropeiskoy Periferii i Pogranichiya*. [The unrecognized states of the European periphery and frontier]. URL: intertrends.ru/fifteen/008.htm.
 14. Nietschmann B. *The Fourth World versus Nations versus States. Reordering the World. Geopolitical Perspectives on the Twenty-first Century*. Ed. by G.J. Demco and W.B. Wood. Boulder (Colo): Westview Press, 1994. 350 p.
 15. Hantington S. *Stolknovenie civilizacij i preobrazovanie mirovogo poryadka* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. Per. s angl. M.: AST, 2003. P. 119.
 16. Degtyarjov D. *Kompjuternoje modelirovanije mezhdunarodnykh otnosheniy*. *Mezhdunarodnyje protsessy*. T. 9. № 3 (sent. – dek. 2011). URL: inter trends. ru/twenty-seventh/07.htm
 17. Pozdniakov E.A. *Vneshnepoloticheskaya Deyatelnost i Mezhdunarodnyye Otnosheniya*. [Foreign policy and interstate relations]. M.: Nauka, 1986. pp. 136–137.
 18. Ryabtsev V.N. *Acute Interstate Conflicts Asymmetrical Type on a Bilateral Basis: Their Nature and Implications for Regional and International Security. Part one (on the exam-ple of the Middle East)*. URL: a-factor.ru/archive/item/91-ostrye-mezhgosudarstvennye-konflikty-asimmetrichnogo-tipa-na-dvustoronnej-osnove-ikh-priroda-i-posledstviya-dlya-regionalnoj-i-mezhdunarodnoj-bezopasnosti-na-primere-blizhne-go-i-srednego-vostoka-chast-vtoraya
 19. Pozdniakov E.A. *Kontseptsiya Balansa Sil v Mezhdunarodnykh Otnosheniyakh. Balans Sil v Mirivoy Politike Teoriya I Praktika: sb.statey*. Pod red. E.A. Pozdniakova. M.: IMEMO RAN, 1993. pp. 10–11.
-

20. Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitika i politicheskaya geografiya. [Geopolitics and Political Geography]. M.: Aspekt-Press, 2001. pp. 253.
 21. Tsymbursky V.L. Vvedeniye. Speak, Memory! Konjunktury Zemly i Vremeny. Geopoliticheskiye i chronopoliticheskiye intellektualniye rassledovaniya. M.: Izd-vo «Evropa», 2011. p. 24.
 22. Polunin YU.A., Timofeev I.N. Politicheskaya nauka. INION RAN. 2007. № 3. pp.168-192.
 23. Waltz K.N. Man, the State and War. N.Y.: Columbia University Press, 1954. 289 p.
 24. Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1979. P. 251.
 25. Waltz K.N. International Politics is not Foreign Policy. Security Studies. 1996. № 2. Pp.54-57.
 26. Mackinder H. 1919. Demokraticheskiye Idealy I Realnost. Geograficheskaya Os istorii. [1919. Democratic Ideals and Reality. The Geographic Axis of History]. Per. s angl. M.: Izd-vo AST, 2001. p. 265.
 27. Spykman N.J. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1942. P. 446.
 28. Duroselle J.-B. Tout Empire périra. Une Vision théoretique des relations internationales. P.: Publications de la Sorbonne, 1981. P. 336.
 29. Knorr K. The war potential of nations. Princeton (N.Y.), 1956. 322 p.
 30. Organski A.F.K. World Politics. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1958. 509 p.
 31. Cline R.S. World Power Assessment: A Calculus of Strategic drift. Boulder (Colo): Westview Press, 1975. 173 p.
 32. Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 5th ed. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1978. pp. 117–155.
-

33. Zaitsev V.K. Japonskaja ekonomika v preddverii XXI veka. M.: Gl. Red. Vost. Lit-ry, 1991. pp. 85–124.
34. Mir posle krizisa. Globalnyje tendentsii – 2025: menjajchijsja mir. Doklad natsional nogo razvedyvatelnogo soveta SHA. [The World after the Crisis. Global Trends - 2025: A Changing World. Report of the U.S. National Intelligence Council]. M.: Evropa, 2009. Pp. 1-10.
35. Portiakov V.Y. «On Uvazhat Sebia Zastavil...». Kitaj I Rossiia v Ekonocheskom Izmerenii. Pro et Contra. M. 1988. Tom 3. №1. pp. 26-40.
36. Portiakov V.Y. Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. Vypusk XIX. M.: IDV RAN, 2014, pp. 6-21.
37. Kitaiskiy Proekt bez Legend I Prikrytiia. Zavtra. 2005. P.110.
38. Glazunov O. Kitaiskaya Ugroza. [The Chinese Threat]. M: EKSMO; Algoritm, 2010. p. 110.
39. Sovokupnaya motsch gosudarstva: kitajskij podkhod (material razmestila Y. Fosteichuk) 20 nojabria 2013. URL: csef.ru/index.php/ru/politica-i-geopolitica/project/416-china-and-its-role-in-a-new-world-order/1-stati/4893-sovokupnaya-moshch-gosu-darstva-kitajskij-podkhod
40. Mel'vil' A.YU. Politicheskij atlas sovremennosti: opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennyh gosudarstv. M.: Izd-vo MGIMO-Universiteta, 2007. (Gl. 2). pp.67-202.
41. Cline R. World Power Trends and US Foreign Policy for the 1980's. Boulder (Colo): Westview Press, 1980. P. 173.
42. Ryabtsev V.N. Territoriya Gopsudarstva: Metodicheskaya Razrabotka po Kursu «Geopolitika». [Territory of the State: Methodological development on the course "Geopolitics"]. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNTS VSH, 2000. pp. 43–44.
43. Portiakov V.Y. Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. Vypusk XIX. M.: IDV RAN, 2014, pp. 6-21.

44. Balakhontsev N., Kondratiev A. Zarubezhnoye Voyennoie Obozreniie. 2010. №11. pp. 101–104.
45. Rosenau J.N. The Scientific Study of Foreign Policy. N.Y.: Free Press, 1971. P. 244.
46. Flint C. Introduction to Geopolitics. N.Y.: Routledge, 2011. P. 43.
47. Sultanov Sh. Vremia Talibov. Sleduytchiy Raund Bolshoi Igry. Zavtra. 2021. № 38(sent.-okt.). p. 5.